

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Светлый конец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524895

Аннотация

«Ялта – грязная, пыльная, пропахнувшая навозом Ялта – была в этот день такой прекрасной, какой она бывает только в безветренные дни ранней весны. Особенно поражала издали ее сказочная красота тех пассажиров, которые толпились на борту громадного парохода „Е. И. В. Ксения“, медленно пристававшего к молу...»

Александр Иванович Куприн Светлый конец

Ялта – грязная, пыльная, пропахнувшая навозом Ялта – была в этот день такой прекрасной, какой она бывает только в безветренные дни ранней весны. Особенно поражала издали ее сказочная красота тех пассажиров, которые толпились на борту громадного парохода «Е. И. В. Ксения», медленно пристававшего к молу. Многие из них впервые видели с почти чувственным наслаждением эту толпу белых нарядных дач, вилл и дворцов, весело и легко взбежавших от самого моря к зеленеющим горным виноградникам, эти стройные группы тонких темных кипарисов и высоких зеленых тополей, и кое-где такие же стройные, прелестные, но еще более воздушные фигуры минаретов. И самое море в бухте, обычно желто-зеленое от грязи, теперь лежало спокойное, густо-синего цвета, все в ленивых томных морщинках, на которых чуть заметно раскачивались крутоносые турецкие фелюги. И все: могучая синева моря, белизна и зелень города, ясная лазурь неба, – все вливалось в душу какой-то спокойной радостью.

Пароход совсем уже подтянулся к пристани. Носильщики на берегу ждали лишь приказа капитана зацепить сходню за борт. Все пассажиры сгрудились на этом борту с своими картонками, чемоданами и корзинками, нетерпеливые и немного обозленные друг против друга, как всегда это бывает в моменты прибытия поездов и пароходов.

Внизу, в салоне первого класса, оставались только три человека: князь Атяшев, его домашний доктор Иван Андреевич и старый лакей Доремидонт. Господа сидели за столом, а Доремидонт, почтительный, седой и бритый, стоял рядом, с пледом и сумками в руках.

– Ты вот что, Доремидонт, – говорил князь устало. – Ты оставишь пока вещи у горничной... Пусть присмотрит... А ручной багаж сложи вот здесь, на стуле... А сам пойдй вперед и найми два экипажа... Один получше, самый лучший, – для нас с доктором, а другой под тебя и под вещи... Да возьми у извозчиков номера. Иди, иди, а мы подождем...

– Иван Андреевич... не в службу, а в дружбу... заворите, пожалуйста, иллюминатор... кажется, дует. В Ялте вечера всегда сырые... и, кроме того, меня малярия пугает.

Но вряд ли ему уже была опасна малярия или другая какая-либо болезнь. Он был тяжело, безнадежно

болен другой, более страшной болезнью. Это заметил бы всякий, совсем неопытный и даже малонаблюдательный человек. Желто-восковая, чуть глянцеви-тая кожа совершенно обтянула костяк его лица, резко определив виски, скулы и челюсти и оттопырив уш-ные раковины; растянутые сухие губы точно облипли, не закрываясь, вокруг десен, и из-под них странным жемчужным блеском сверкали влажные зубы, а среди таких же жемчужных широких белков серые глаза гля-дели с остановившимся выражением ужаса и недове-рия. Поминутно князь кашлял тихим, высоким, корот-ким стонущим кашлем, и каждый раз казалось со сто-роны, будто бы он с печалью громко вздыхал: ах!.. ах!.. И говорил он таким же глухим, высоким, стонущим го-лосом, с остановками через каждые два-три слова. И когда он поворачивался в сторону, чтобы взглянуть на что-нибудь или ответить на вопрос, то в замедлен-ном движении его головы, в подозрительном и испуг-анном взгляде его широко раскрытых глаз чувство-валось, что он ежесекундно ожидает тайного прибли-жения какого-то незримого, жестокого и беспощадно-го врага.

Он страдал злейшей чахоткой в самой последней степени и сам перед собою, перед своей душой де-лал вид, что болен лишь катаром верхушек легких. Все окружающие, а особенно Иван Андреевич, друж-

но поддерживали в нем этот самообман. Никто из них, однако, и не подозревал, что по ночам, лежа без сил в кровати, мокрой от его пота, князь с нестерпимым предсмертным ужасом ясно сознавал, что он умирает, и чувствовал, почти видел, как его грозный враг при- таился где-то здесь близко, за углом, за портьерой.

Но проходила ночь, наступало утро, и вместе с ним возвращалась в душу обманчивая надежда. Князь, еще не вставая с постели, тревожно смотрелся в зеркало и, с чувством радости, не находил никаких изменений в своем лице. Для него были совсем незаметны те неуловимые черты умирания, которые наносились с каждым прожитым днем и каждой тяжелой ночью.

Он жадно, всеми мыслями и чувствами, цеплялся за жизнь. В последнее время он приказал переделывать и ремонтировать свой старинный дом в Москве и устроить роскошные оранжереи в родовом имении Атяшево, мечтал о далеком путешествии вокруг Африки и Азии, лелеял в душе мысль о женитьбе на одной из своих кузин, прекрасной молодой девушке: когда-то, еще будучи кавалерийским юнкером, он танцевал с нею на московских балах, и между ними было что-то вроде наивного, розового, полудетского романа.

– Не люблю я толпы... Иван Андреевич, – говорил он с трудом своим стонущим, глухим голосом, – тол-

котня... запах... и потом, бог весть, сколько сюда едет больных... плюют... кашляют.

С трапа спустился Доремидонт и доложил, что извозчик готов и что вещи уложены. Медленно, шаг за шагом, часто останавливаясь и со стоном переводя дыхание, поднялся князь на палубу и спустился на пристань. Доремидонт с материнской заботливостью усадил его в легкий двухместный шарабан с полотняным зонтиком наверху, обвернув его ноги пледом, а другим пледом бережно окутал его спину и плечи и крикнул кучеру в белом балахоне:

– Трогай. Гостиница «Лондон».

Они поехали оживленными ялтинскими улицами, мимо кофеен, переполненных смуглолицыми, стройными, крепкими турками и греками-рыбаками, мимо дач, сплошь затканых голубыми ароматными гроздьями глициний и вьющимися белыми розами, мимо развесистых могучих платанов и нежно-зеленых тополей, вдоль по набережной, на которой розовели от цветов широкие кроны мимозы и красовались в золотоверхих шапочках живописные проводники, а доктор, впервые попавший в Крым, не мог сдерживать своего восторга и поминутно восклицал:

– Ах ты, боже мой, какая красота! Подумать только, у нас в Москве слякоть, грязища со снегом, а здесь чисто рай земной. Ялта! Жемчужина Крыма!

Но князю была противна и эта чрезмерная роскошь природы, и это множество здоровых беспечных людей, густо заполнявших тротуары, и докторский пафос. Он поморщился и, кутаясь в свой английский плед, сказал брезгливо:

– Бросьте, дорогой Иван Андреевич. Просто нелепый, грязный, неустроенный – настоящий русский курорт. Через два дня вы другое запоете.

Подъехали к шикарнейшей «Лондон»-гостинице, обогнули полукруг цветущего, наполненного розами цветника и остановились у роскошного подъезда. Несколько человек сидели снаружи на крыльце, на легких плетеных стульях и с дорожными пледами, как и у князя Атяшева, на коленях. Они с ленивым любопытством глядели на приехавших.

Доремидонт побежал доложить. Номера для князя и доктора были заказаны заранее, за пять дней. Через минуту из дверей подъезда выкатился, как большой черный резиновый мяч, толстый, розовый, подвижный метрдотель во фраке, с ослепительно белым вырезом на груди.

– С приездом, ваше сиятельство... Давно ждем-с. Самые лучшие комнаты для вас освобождены. Вид на море, солнечная сторона.

Но лицо его сквозь слащавую улыбку говорило другое:

«Господи! Опять принесло чахоточного, и опять другие господа будут обижаться. Да и, наверное, умрет у нас. Возня, запах ладана по коридорам. Зато фамилия-то какая знатная. И заказано. Ничего не поделаешь».

Он уже учтиво протянул руки, чтобы принять князя под локти, и князь уже спустил одну ногу на подножку экипажа, но вдруг остановился. Он поглядел на управляющего подозрительным взглядом своих огромных жемчужных, пустых и страшных глаз; казалось, он смотрел не на него, а сквозь него, на своего прячущегося тайного врага, и спросил боязливо:

– А это... больных у вас, надеюсь, нет в гостинице? Вот этих... туберкулезных?

– О нет, ваше сиятельство. Таких мы принципиально не пускаем. У нас, ваше сиятельство, исключительно великосветская публика, проживающая в Крыму для чистого воздуха и для собственного удовольствия, а не для болезни. Пожалуйте, милости просим, ваше сиятельство.

Ночь была теплая, и месяц нежно светил над Ялтой, озаряя в тихих садах дремлющие деревья, розовые кусты и благоухающие росистые цветы. Слышно было издали, как стройный оркестр в городском парке играл что-то гармоничное, задумчивое и нежное. Но окна у князя были плотно закрыты и филенки зе-

ленных ставен опущены. Отдаленная музыка раздражала его, каждый звук в соседних номерах или в коридоре заставлял вздрагивать. Он сам сознавал, что ему стало хуже: длинная дорога с ее неудобствами и волнениями совсем расстроила его. И яснее, чем прежде, он чувствовал присутствие в комнате своего страшного, непримиримого врага. Враг осмелел теперь, он уже не таился больше в тени углов и занавесей, но, казалось, кривлял в темноте свое безглазое лицо и бормотал что-то невнятное, темное, угрожающее. И много раз в эту ночь князь освещал электричеством комнату, будил старого Доремидонта, свернувшегося клубком в передней на кушетке, посылал за доктором и часто сменял на себе влажные, холодные рубашки. Под утро, на рассвете, он велел Доремидонту сесть у себя в ногах на постели и рассказывать сказку. И под однообразный мерный распев старинного сказания ему удалось заснуть.

На другой день он попробовал встать и не мог, до такой степени он сразу обессилел. И самый голос его изменился. Князь уже не говорил обычными натруженными, стонущими вздохами, а шептал, и чтобы его расслышать, приходилось нагибаться ухом к самому его рту. Испуганный Иван Андреевич предложил пригласить другого врача. Но князь недовольно махнул рукой и зашептал, прерываясь на каждом слове:

– Оставьте... пройдет само... Это я вчера простудился на пароходе... во время обеда. Иллюминаторы... были открыты. Такая небрежность!

Но доктор настаивал. По его словам, в городе, на собственной даче, живет теперь петербургский профессор Пятницкий – не только русская, но, можно сказать, европейская знаменитость. Он в Крыму никого из больных не принимает, но знакомство с ним Ивана Андреевича по университетской скамье, а главное, титул и богатство князя Атяшева должны непременно повлиять и на этого избалованного человека.

– Хорошо, – прошептал князь, задыхаясь. – Делайте как знаете.

Знаменитость заставила, однако, дожидаться себя часа три. В этот промежуток Атяшев страшно волновался. Давило на грудь одеяло, и он сбросил его, но и материя легкой батистовой рубашки продолжала теснить и угнетать распаленное тело. Тогда он приказал Доремидонту отворить окно. В комнату, вместе с крепким запахом и нежными ароматами цветов, вторгся веселый уличный шум: звуки копыт, говор, детские крики, смех. И тотчас же больной задрожал в жестком ознобе и приказал закрыть окно.

Наконец явился профессор Пятницкий – большой, неуклюжий, еще не старый мужчина. Он был так тяжел и массивен, что когда ходил по комнате, то и ме-

бель и пол скрипели и вздрагивали в ответ его шагам. В нем сразу чувствовался бывший семинарист, поговору на «о», по угловатой развязности и шуткам, даже по манере сморкаться: клеймо, которое в людях не вытравит ни время, ни образование, ни общество. Так именно о нем подумал по первому взгляду князь Атяшев.

– Что, ваше сиятельство, малость порасклеились? Ну, ну, ну, ничего, мы вас починим, – говорил он ласково-фамильярным баском, глядя на Атяшева умными, зоркими темными глазами, – дайте-ка нам исследовать ваше тело белое.

– Да ведь все уже известно, профессор, – недовольно прошипел больной. – Катар, уплотнение верхушек легких.

Однако он уже снимал покорно рубашку, но сам не мог этого сделать, и ему помог Доремидонт. Пятницкий очень долго и внимательно выслушивал и выстукивал князя, а тот испуганно дышал ему в начинавшую лысеть макушку и видел, как от дыхания слабо шевелятся мягкие волосы, пахнувшие вежеталем.

– Что, профессор, здоровая простуда? – прошептал князь, когда Пятницкий, окончив осмотр, укладывал свои инструменты в боковой карман.

Тот промолчал, но с серьезным видом покачал головой.

Атяшев безумным, умоляющим и испуганным взглядом впился ему в лицо.

– Но надеюсь... надеюсь, ничего такого... особенного серьезного? А? Профессор? А?

– Как вам сказать... Серьезного?.. По-моему, очень серьезно... Да вы не волнуйтесь, князь. Ничего нет невозможного для науки, – цедил Пятницкий, глядя куда-то под низ комода. – Пропишу вам на первый случай камфару. А там, как встанете, сейчас же в Ментону, в Каир, в Давос. Лучше всего в Давос.

Глаза Атяшева все расширялись и все становились безумнее и страшнее.

– Доктор... Иван Андреевич, – прошептал он наконец с усилием. – Оставьте нас вдвоем с профессором. Доремидонт, выйди.

– Профессор, – зашептал он одними губами, когда те двое вышли из комнаты, – я вас хочу спросить... как ученого и очень умного человека. Видите ли, я ничего никогда не боялся, не боюсь и смерти. Я два раза дрался на дуэли, в первый раз меня ранили в грудь, во второй раз я убил. Также я участвовал в двух кампаниях: бурской – волонтером и русско-японской – вольноопределяющимся. Вы видите, за мной опыт. И вот теперь я вас очень прошу: скажите мне прямо, глядя в глаза, как мужчина и как мудрец, сколько времени я еще могу прожить? О, прошу вас, не смущайтесь и

не щадите меня... День, два – это меня не испугает. Но у меня есть некоторые обязательства, которые... вы понимаете?

Он шептал, глядя на Пятницкого широко раскрытыми, умоляющими и страшными глазами, и на углах его рта белела пена, в груди что-то клокотало, а его худые, тонкие пальцы жгли и тискали руку профессора.

Все эти расспросы, и безумная мольба в глазах, и внешние симптомы близости смерти были известны профессору так же хорошо, как композитору простая гамма. И неизвестно, что с ним случилось: надоел ли ему пациент и захотелось поскорее от него избавиться, сказалось ли в нем привычное многолетнее равнодушие к чужой смерти, хотел ли он сознательно ускорить конец, чтобы не длить мучений больного, или в самом деле страстная просьба князя показалась ему убедительной и заслуживающей внимания. Но он нагнулся над больным, ласково взял его за плечи и, приблизив свое лицо к самому его лицу, сказал своим теплым, мягким голосом:

– Я вижу, вы настоящий мужчина. Ну, так будьте крепки. Вы говорите, день, два... Ах, если бы так! Но я ручаюсь вам всего лишь часа за четыре и то с камфарой и кислородом. Поэтому если вы человек верующий, то пошлите за священником и сделайте ваши последние распоряжения.

Он не успел договорить. Умиравший мгновенно, конвульсивным толчком, поднялся на постели и плюнул ему в лицо вязкой слюной, смешанной с кровью. Профессор быстро отскочил в сторону и полез в карман за платком.

– Подлец! Сволочь! Убийца! – кричал князь, надрывая последние остатки голоса. – Убийца проклятый, шарлатан и хам! Как ты смел! Как ты смел! Расстрелять тебя, повесить, гад и...

Он закрыл лицо руками, застонал и закашлялся. В комнату тревожно один за другим входили Иван Андреевич и Доремидонт. И они видели, как руки князя вдруг разжались и он сам тяжело упал навзничь на подушки. Рот его полуоткрылся, и из него, с правого бока, потекла густая, непрерывная алая струя.

А князь в это время чувствовал и слышал, как к нему быстро подходит тот, таинственный и беспощадный враг, и чем ближе он подходил, тем светлее и радостнее становился его неуловимый образ. И он взял в объятия, более нежные, чем материнские, душу и тело князя и растворился вместе с ними в светлом, бесконечном, мирном и сладком сне.

– Cadaver¹, – сказал в этот момент профессор, выпуская руку, по которой он следил за пульсом.

¹ Труп (лат.).